

нередки случаи, когда коммуны, эвакуировавши женщин, детей и имущество, присоединялись к Красной армии, но еще более часты были случаи зверской расправы с колхозами частей белой армии и восставшего кулачества.

Не меньшее значение организационной опоры советской власти имели колхозы и в глубоком тылу. Колхозы служили своеобразными постоянными дворами, местом ночлега и бесплатного питания для агентов различных государственных органов. Работников колхозов, в особенности коммун, за просто мобилизовывали для проведения различных кампаний и в том числе для сбора продразверстки. Коммунары же и артельщики по первому зову, а часто и по своей инициативе, шли работать на субботниках и воскресниках. Там, где не было коммунистических ячеек, партийные организации использовали колхозы, как свою агентуру, в проведении агитационных кампаний. Сплошь и рядом были случаи, когда колхоз, состоящий исключительно из беспартийных, все-таки считал себя ячейкой компартии.

— Мы—все большевики,—часто говорили коммунары, только партийных билетов не имеем.

Роль опоры и агентуры пролетарского государства, в момент гражданской войны, отнюдь не нарушала юридической природы колхозов, как частно-правовых организаций, точно так же, как не изменялась юридическая природа профсоюзов от того, что они в еще большей степени служили и служат организационной опорой государства в самых разнообразных его задачах, начиная от организации Красной армии и кончая производственной помощью тому же крестьянству, профсоюзных „комитетов содействия сельскому хозяйству“.

Тем не менее неправильное толкование изложенного выше значения колхозов в момент революции и гражданской войны и их роли практически-организационной опоры пролетарского государства привело к бюрократическим извращенным организационным выводам. В условиях военного коммунизма значение колхозов и их временная роль агентуры государства были поняты как постоянная их социально-организационная сущность. Иначе говоря, колхозы огосударствлялись в этих неправильных выводах.

Местные губернские союзы колхозов точно так же, как и центральный союз союзов, возникшие в конце 1919 и начале 1920 г.г., были низведены аппаратом Наркомзема к роли подчиненных ему, не имеющих административных функций органов.

Бюрократическое извращение сущности и значения колхозов и их „огосударствление“ имели и другое следствие, кроме бюрократизаций советов всероссийского и местных союзов колхозов. Уже перед самым провозглашением новой